

М.И. Воейков, Г.В. Анисимова

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО:
РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук,
профессор, заведующий сектором Института экономики РАН.

Анисимова Галина Владимировна – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

**Советское равенство
и постсоветское неравенство**

В современной научной литературе отмечается, что за последние 30 лет во многих странах мира сформировалась устойчивая тенденция роста социально-экономического неравенства [7; 8; 10; 15; 16; 18]. Причем растущее неравенство в области заработной платы и доходов происходит независимо от уровней национального дохода и сокращения масштабов крайней нищеты. Об этом свидетельствуют исследования международных организаций [2]. С начала 1990-х годов примерно две трети стран испытали существенный рост доходного неравенства. В среднем разрыв в доходах между 10% самых высокооплачиваемых семей и 10% самых низкооплачиваемых увеличился на 70%. Причем доходы богатых семей росли быстрее, чем доходы среднего класса и малообеспеченных групп.

За последние 20 лет в большинстве стран (в 51 из 73 стран, по которым у Международной организации труда имеются данные статистики) произошло существенное изменение в распределении доходов от труда к капиталу – доля заработной платы в общем объеме доходов снизилась. Наибольшее снижение доли заработной платы в ВВП произошло в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна (на 13%); за ними следуют страны Азии и Тихого океана (на 10%) и промышленно развитые страны (на 9%). В результате, по сравнению с предыдущими периодами, работники в мень-

шей степени смогли воспользоваться преимуществами экономического роста [20, p. 1].

Углубление экономического неравенства характерно и для современной России. Более того, неравенство в российском обществе чрезмерно, особенно на фоне ведущих европейских стран. В советский период официальная идеология провозглашала тезис о социальной однородности и равенстве всех членов социалистического общества. И примерно с 1970-х годов началось планомерное уменьшение дифференциации в уровне жизни советских людей и прежде всего – снижение дифференциации по зарплате.

Статистические данные показывают весьма незначительное расслоение советского общества по уровню доходов. За период с 1950 по 1985 г. на фоне устойчивой тенденции роста среднемесячной заработной платы (у работников промышленности она возросла с 70,8 до 210,6 руб., т.е. прирост составил почти 200%) произошло значительное сокращение численности низкооплачиваемых работников. Если в 1956 г. зарплаты менее 80 руб. получала основная часть работающего населения (70,3%), то спустя 30 лет – менее 5%, и таким образом численность малообеспеченных работников сократилась почти в 15 раз. Еще интенсивнее возросла доля высокооплачиваемых работников (в 23 раза) [19, с. 146]. Основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов. Отчетливо складывались тенденции развития социального государства и формирования массового среднего класса. Советское государство вполне можно было назвать социальным, ибо подходящая дифференциация населения была весьма незначительной. Децильный коэффициент (который рассчитывается как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в Скандинавских странах.

Вместе с тем темпы роста заработной платы различных категорий работников были неодинаковы. Более быстрыми темпами возрастала зарплата промышленно-производственных рабочих. Заработная плата ИТР и служащих увеличивалась медленнее, что привело к значительному сближению уровней оплаты труда инженеров и рабочих. Так, если в 1940-е годы зарплата ИТР была выше заработка рабочего более чем на 100%, то в середине 1980-х годов – всего на 10,2%. Таким образом, социальное государство стало перерастать в уравнилельное [13, с. 40–41]. К концу советского периода дифференциация по зарплате настолько снизилась, что некоторые специалисты заговорили об опасных тенденциях уравниловки.

Так, известный советский специалист по проблемам дифференциации зарплат Н.Е. Рабкина, давая профессиональный анализ причин неуспеха экономических реформ 1990-х годов, вполне справедливо отмечала тенденцию к уравниловке в оплате труда. Эта «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы стала проводиться Гос-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

комтрудом с конца 1950-х годов и «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 1960-х годов экономика страны была еще «на краю воронки» и можно было вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено, и события вышли из-под контроля» [11, с. 151].

В конце XX в., когда разрушалась советская система, многие граждане полагали, что приходит пора справедливости. Будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей почти уравнительной системе. Однако, как показала практика, прошедшие 25 лет экономических преобразований не создали общество социальной справедливости, скорее наоборот. С 1990-х годов в России появилась четко выраженная тенденция устойчивого роста доходной дифференциации населения.

Коэффициент фондов позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения – бедных и богатых. Как показывает его динамика, соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% или 20% населения с самыми высокими доходами и 10% или 20% населения с самыми низкими доходами стремительно увеличивается (см. рис. 1). За период 1992–2015 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в 2 раза. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2016 г. – уже более чем в 15,6 раз.

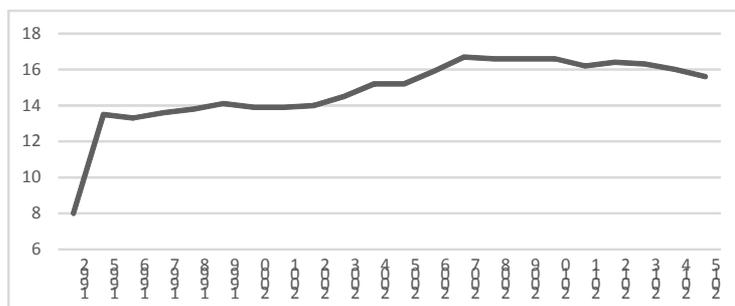

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Госкомстат России, 2002. – С. 130. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#). (Дата обновления: 11.05.2016.)

В современной России чрезмерное неравенство населения по материальному уровню благосостояния является одной из главных социальных проблем. Согласно принятой в мировой практике оценке, если соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10:1, то страна находится в зоне социальной нестабильности [1, с. 61]. Таким образом, в настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства.

Отметим, что анализируемая динамика показателей дифференциации доходов исчислена на основе данных официальной российской статистики, что приводит официально рассчитываемый коэффициент фондов к существенному занижению (не менее чем в 2 раза) реальной дифференциации доходов населения по нескольким причинам:

– коэффициент фондов рассчитывается по информации бюджетной статистики. А любое обследование домашних хозяйств включает не все слои населения (военнослужащих срочной службы, находящихся в местах заключения, маргинальные слои населения). Так, доля последних, по оценкам социологов, сегодня достигает 7–10% населения. В сеть обследования не попадают доходы сверхбогатых (примерно 5%). В целом бюджетная статистика описывает уровень жизни 80–85% населения страны;

– при расчете коэффициента фондов учитывается лишь величина официально зарегистрированных доходов, без учета теневых выплат (по различным оценкам, около 30–40% финансовых средств), сосредоточенных в основном в руках наиболее обеспеченных слоев населения.

Тем не менее, опираясь только на официально публикуемые данные, можно сделать вывод о существенном социально-экономическом расслоении российского общества. Постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых. Об этом свидетельствует динамика коэффициента Джини. В России за период 1992–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,289 до 0,412. Наиболее богатые 20% населения концентрируют почти половину доходов всего общества.

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества являются наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ, так как «две России» различаются не только уровнем материальной обеспеченности, но у них появляются разные системы ценностей и приоритетов, разные предпочтения и потребительский спрос. Для них характерны разные мотивации и стереотипы общественного поведения.

Все это хорошо видно на процессах внутрикорпоративного неравенства. Например, доходы топ-менеджеров и средняя заработная плата в типичной корпорации во Франции отличаются в 5–6 раз, в Японии – в 8–9 раз, в США – в 20–25 раз. По некоторым данным, в США (2004) разница между вознагражде-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

дением генеральных директоров корпораций и средней заработной платы рабочего составила 392 раза. «Мы видим, – пишет американский исследователь этого вопроса Д. Богл, – как вознаграждения генеральных директоров за успешную работу стали доходить до 92, 125, 151 и даже – хотите верить, хотите нет – 872 млн долл. На одного человека в год!» [3, с. 61]. Российские корпорации, конечно, отстают от американских, но не намного. На российских предприятиях дифференциация доходов также может достигать сотен раз. Например, исследование более 20 крупных холдинговых компаний разных отраслей экономики показало, что в 2003 г. в их центральных управляющих компаниях наемные управленцы первого уровня в среднем зарабатывали 1 029 000 долл. в год (включая оклады и бонусы), а менеджеры второго уровня – 297 000 долл. В тот же период средняя заработная плата по промышленности составляла 6626,5 руб. в месяц, или примерно 2840 долл. в год. Если предположить, что в исследованных компаниях заработки соответствуют этой общероссийской величине, то можно заключить, что доходы топ-менеджеров первого и второго уровней и средняя оплата труда различались примерно в 360 и 104 раза соответственно [6; 13]. Сегодня доходы самого верхнего слоя топ-менеджеров даже госкорпораций стали предметом пристального внимания не только федеральных СМИ, но и правоохранительных органов.

Чрезмерное социально-экономическое неравенство раскалывает страну на несколько частей, которые перестают понимать друг друга. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высоко обеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет и выживает большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

В среде специалистов существует точка зрения, что усиление социально-экономического неравенства сдерживает экономический рост [7; 17]. Однако эмпирически вывести зависимость неравенства и экономического роста очень трудно. Об этом, например, свидетельствуют примеры, взятые из российской практики. На рисунке 2 отражена динамика ВВП (в процентах к предыдущему году) и коэффициента Джини, характеризующего степень социально-экономического расслоения населения в России за последние годы.

С 1999 г., как показывают данные официальной статистики, начался устойчивый экономический рост. В 2007 г. Россия достигла объема ВВП уровня докризисного 1989 г. За период 1999–2008 гг. ВВП вырос почти на 70%, объем промышленной продукции – на 60, а сельскохозяйственной – увеличился на 49%. В условиях улучшения экономической ситуации можно было бы ожидать и сглаживания социально-экономического неравенства. Но действительность свидетельствует об обратном. На фоне начавшегося

в 1999 г. экономического роста степень социального расслоения продолжала расти. За период 2000–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,395 до 0,412.

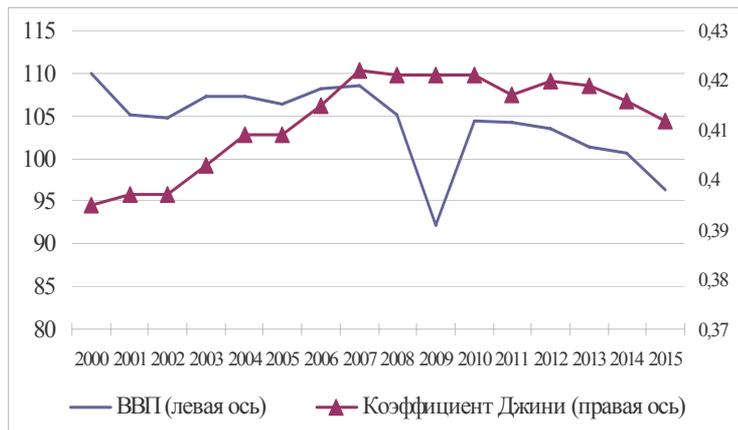

Рис. 2. Динамика темпов роста ВВП и коэффициента Джини

Источник: Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (Дата обновления: 04.04.2016); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (Дата обновления: 11.05.2016.)

Таким образом, на протяжении всего периода более или менее устойчивого экономического роста (1999–2008) в России, несмотря на позитивную динамику доходов бюджета и растущие возможности проведения активной государственной политики, наблюдалась ярко выраженная тенденция роста социально-экономического неравенства. Более того, в период кризиса и существенного сокращения реального объема ВВП в 2007–2009 гг. в России также имел место рост неравенства. Именно в этот период коэффициент фондов по дифференциации доходов достиг своего наивысшего значения (16,7–16,6 раз). На рисунке 2 хорошо видно, что за последние 15 лет в России кривая экономического роста в целом не соответствует кривой неравенства за некоторым исключением.

Сопоставление экономического роста и роста неравенства в современной России означает, что плоды экономического успеха, когда он есть, достаются у нас исключительно верхушке общества. И рост неравенства в кризисные годы

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

при отсутствии собственно экономического роста означает, что расплачиваться за кризис пришлось в основном средним и малоодоходным слоям населения. Это вызвано в первую очередь диспропорциями в оплате труда по видам экономической деятельности, регионам, типам предприятий, ослаблению системы трудовых стимулов, низкой эффективности действующих механизмов регулирования подоходной дифференциации. Экономическое неравенство характерно для всех срезов российской экономики, территорий и видов хозяйственной деятельности по уровню доходов, потребления и сбережений населения. Поэтому можно утверждать, что в данном случае статистические данные показывают, что экономический рост порождает экономическое неравенство.

Неравенство, сбережения и инвестиции

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то, следуя логике либерального подхода в России, должна была бы наблюдаться тенденция к их росту. Однако, как видно на рисунке 3, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций. Особенно настораживает тенденции сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Неслучайно, столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 45,3%, 2014 г. – 49,4%), которая неуклонно возрастает [12, с. 68].

Рис. 3. Динамика инвестиций, сбережений и неравенства

Источник: Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#); Структура использования денежных доходов (динамика) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

В России также наблюдается высокий уровень неравенства и по возможности формирования запаса денежных средств (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА ПРИРОСТА СБЕРЕЖЕНИЙ

	Прирост сбережений	
	2011 г.	2014 г.
Все домашние хозяйства, %	100	100
в том числе по 20%-ным группам обследуемого населения:		
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	3,5	2,9
вторая	7,3	6,1
третья	12,8	10,8
четвертая	22,6	24,8
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	53,8	55,4
Коэффициент фондов по приросту сбережений, в разах	27	33
Коэффициент фондов по доходам	16,2	16

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2012. – С. 152; Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2015. – С. 188.

Как видим, коэффициент дифференциации прироста сбережений (коэффициент фондов) даже существенно (в 2011 г. 1,6 раза, а в 2014 г. уже более чем в 2 раза) превышает уровень дифференциации населения по доходам. Сбережения в существенном размере оказываются только у высокодоходной группы населения. При этом инвестиции в экономику (в основной капитал) остаются минимальными. Даже в самом благополучном по данному показателю 2007 г. инвестиции составили примерно 20% к ВВП, а в последнем году советского периода (1990) этот показатель составлял примерно 38%.

Необоснованное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения. При проведении экономических реформ в России не учитывается позитивный зарубежный опыт использования сбережений населения. Именно сбережения населения во многих промышленно развитых странах являются одним из основных источников финансирования долгосрочных инвестиций. В России лишь малая часть населения обладает крупными неиспользуемыми сбережениями. Основная же часть – зачастую не только не имеет сбережений, но и вынуждена себе во многом отказывать. Как показывают данные официальной статистики, на долю 20% наиболее обеспеченных граждан приходится почти 50% денежных доходов, а на долю 20% наименее обеспеченных – практически в 10 раз меньше. Это порождает фрагментацию социальной структуры общества на множество всё более автономных и изолированных друг от друга

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

слоев и групп, подрыв общественной солидарности, а в конечном счете – выдавливание отдельных категорий населения из социальной жизни.

Неравенство доходов в значительной степени детерминирует объем и структуру потребительского спроса. Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребительский спрос при одних и тех же доходах населения. Это объясняется тем, что, чем выше неравенство, тем большая доля населения вынуждена снижать свои расходы по отношению к своим потребностям, и тем больше часть населения, которая, достигнув определенного уровня насыщения потребления, переключает свои денежные ресурсы отчасти на потребление эксклюзивных товаров и услуг, а в основном – на сбережения. Такой механизм сильнее всего действует на совокупный спрос на отечественные товары, резко снижая его. На этом фоне следует отметить сохранение спроса на продукцию российского сельского хозяйства и пищевой промышленности. Это, с одной стороны, обусловлено тем, что расходы населения на продукты питания дифференцированы значительно меньше, чем расходы на непродовольственные товары, с другой – нередко низким качеством импортируемой сельскохозяйственной продукции. В условиях политики импортозамещения на продукты питания увеличение потребительского спроса в этом сегменте внутреннего рынка может повлиять в определенной мере на увеличение экономического роста.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве не способен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получают слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно. По оценкам специалистов, уровень бедности населения за весь период реформ как минимум превышает 20%. Как показывают данные официальной статистики за 2013–2015 гг., численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась. Если в 2013 г. в России насчитывалось 15,5 млн человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2015 г. их число составило около 20 млн. Причем, бедными стали большие слои именно работающих. Иными словами, трудящийся класс сегодня не имеет нормальной, достойной этого названия зарплаты. Вот эти «новые бедные» или «работающие бедняки» есть свидетельство нежизнеспособности общества, невозможности воспроизводства трудового потенциала. Имеются расчеты, согласно которым численность малообеспеченных работников сегодня в стране превышает треть занятых. Тогда как зарплата начинает выполнять свою гарантийную функцию воспроизводства рабочей силы, если численность малообеспеченных работников не превышает 7%. В 1989 г. зарплату меньше прожиточного минимума получали 8% рабочих и служащих [17, с. 115], и мы

имели коэффициент рождаемости 14,6 на 1 тыс. человек, а смертности – 10,7¹ (наблюдался естественный прирост населения). С 1992 г. смертность стала превышать рождаемость, и Россия вступила в полосу сокращения численности населения. Этот процесс остановился лишь в 2013 г. Сегодня естественный прирост населения фактически нулевой (составляет всего 0,3 на 1 тыс. человек).

Неравенство материального положения влечет за собой *неравенство жизненного уровня и состояния здоровья*, дискриминацию при получении образования и медицинского обслуживания. Известно, что состояние здоровья во многом зависит от возможности качественного питания, т.е. прежде всего от уровня доходов. Эту зависимость подтверждают и результаты обследования, проведенного при участии Минздравсоцразвития России, Росспорта, Института социальных исследований в 24 субъектах Российской Федерации (табл. 2). Люди с высокими доходами не испытывают проблем и с высококачественным медицинским обслуживанием, и с покупкой любых лекарств, и с расходами на отдых.

Таблица 2

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ В ГРУППАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ (в %)

Заболевание	Уровень доходов			Всего
	высокий	средний	низкий	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и / или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холестит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и / или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». – М.: Росстат, 2009. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (Дата обращения: 05.04.2016.)

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост URL: // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Обновлено: 26.05.2016.)

Как свидетельствуют данные социологических опросов, в группе респондентов с низким уровнем доходов практически каждый второй опрошенный указал на наличие болезней опорно-двигательного аппарата и системы кровообращения, а в среднем восемь-девять респондентов из каждых десяти опрошенных страдают двумя заболеваниями. Данные опроса дают веские основания для вывода о том, что главным источником стрессов является социальная неустроенность. Например, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, в 1,5–2 раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы. Такое нервное состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обуславливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в противоречивости сознания и поведения многих людей, в том числе в отношении к своему здоровью как ценности и главному фактору, определяющему полноценность жизни. Чрезмерное социально-экономическое расслоение населения, вызывая стрессы и депрессию, приводит к ухудшению здоровья, повышая уровень смертности у низкодоходных групп населения.

Очевидно, что проблема неравенства давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие. «Неравенство ведет, – пишет Дж. Стиглиц, – к снижению совокупного спроса и ослаблению экономики в целом» [16, с. 28].

Экономическое неравенство воспроизводится в правовом неравенстве, которое, в свою очередь, влияет на экономические и социальные отношения. Рост неравенства усиливает властные позиции немногих и создает барьеры для большинства, т.е. противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций. Как показывают международные исследования, существует связь между неравенством и коррупцией, аналогичные связи наблюдаются и между неравенством и преступностью. Коррупция гораздо выше в неравном обществе, чем при более равномерно распределенных ресурсах [20; 22]. Неравное распределение доходов и богатства создает возможность для лиц с высокими доходами вмешиваться в политические процессы и демократическое управление. В частности, значительная концентрация богатства и доходов предоставляет богатым людям ресурсы, достаточные для дачи взятки высокопоставленным чиновникам и политикам. Неравенство увеличивает вероятность воздействия богатых домохозяйств на распределение государственных денег, лоббирования своих интересов.

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов, т.е. оптимальная степень неравенства складывается под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социального регулирования государства.

Экономическая политика

Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное определяется политикой, проводимой властью и бизнесом, прежде всего системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, так как опасны все крайности в распределении доходов. Чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. Чрезмерно *высокое* неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства, – это страны низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. «С одной стороны, – писал он, – “равное распределение национального дохода” приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс “близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями ‘Золотого века’”. Однако, с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Неравномерность богатства... – серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением» [9, с. 132–133].

В экономически развитых странах уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на смягчение экономического неравенства между различными доходными группами населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 3).

Таблица 3

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА УРОВЕНЬ НЕРАВЕНСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

	середина 1970-х годов	середина 1980-х годов	начало 1990-х годов	середина 1990-х годов	начало 2000-х годов	середина 2000-х годов	конец 2000-х годов
коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов							
США	0,406	0,436	0,450	0,477	0,476	0,486	0,486
Швеция	0,389	0,404	0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Канада	0,385	0,395	0,403	0,430	0,440	0,436	0,441
Великобритания	0,338	0,419	0,439	0,453	0,458	0,445	0,456
Нидерланды	0,426	0,473	0,474	0,484	0,424	0,426	0,426
коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Великобритания	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294

Источник: Составлено авторами по: Income Distribution and Poverty: by country – Inequality – OECD Stat. URL: // <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670> (Дата обращения: 16.04.2016.)

В большинстве стран в качестве механизма экономической политики, смягчающего дифференциацию личных доходов, применяют следующие средства:

– необлагаемый вычет из среднегодового заработка работающего (который соотносится с принятым минимальным уровнем заработной платы или с прожиточным минимумом);

– пропорциональное налогообложение с минимальной ставкой (10–30%), а в случае прогрессивного налогообложения – с максимальной ставкой налога (40–50% и более);

– прямые выплаты социально уязвимым слоям населения.

Основной путь экономической политики корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%. Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

В отличие от России в большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, а в ряде из них с минимальных доходов налоги не берутся (Швеция). В Бразилии и Индии минимальный налог ниже, чем в России (7,5–10%). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Особенно это касается Швеции (57%), Германии (45%) и США (35%)².

Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом и налоговые поступления используются не для прямых трансфертов бедным, а для повышения низких зарплат, то при избыточном экономическом неравенстве государство может, используя такую политику, повысить общую продуктивность экономики.

Для разработки эффективной социальной политики необходимо использовать современный зарубежный опыт, а также отечественные научные теоретические и практические разработки, учитывающие российские реалии, в том числе определение оптимального уровня неравенства.

В мировой экономике накоплен определенный опыт именно такой экономической политики. Речь идет о социальном рыночном хозяйстве или социальном государстве, опыт которого характерен прежде всего для стран Северной Европы. Эти страны характеризуются сравнительно невысоким экономическим неравенством и устойчивым экономическим ростом.

Есть серьезный теоретический вопрос, который научное сообщество пока еще не решило и даже пытается как-то обойти. А это очень сложный вопрос: как совместить либеральную рыночную модель и социальное государство и можно ли их совмещать вообще? Как ни странно, но вполне можно утверждать, что социальная политика начинается с активизации промышленной политики. Решение отдельных социальных вопросов не решит проблем развития экономики страны, не предоставит всем людям нормальную работу с нормальной зарплатой. Чтобы удовлетворить потребности людей, чтобы дать им зарплату, надо прежде всего дать им работу. Именно практическое

2. *Tax Rates Around the World 2016: [caim]. URL: <http://www.worldwide-tax.com/>*
(Дата обращения: 10.08.2016.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

решение социальных проблем, формирование социальной политики лежит в сфере промышленной политики [5].

Говоря о создании социального государства, нельзя обойти вниманием современные процессы капитализации страны, которые характеризуются существенным ростом социальной поляризации общества. Говорить только о рабочем классе в традиционном его понимании сегодня уже мало. Надо брать весь трудящийся класс, значительная часть которого составляет так называемый средний класс. Пока это разрозненные отряды наемных трудящихся, лишенных общей солидарности, общих политических интересов. Средний класс в постсоветской России демонстрирует отчетливую тенденцию к стабилизации своей числовой величины, которая, по некоторым оценкам, достигает 30% от всех занятых в экономике. Даже в годы последнего экономического кризиса (2008–2009), когда ВВП страны снизился на несколько процентных пунктов, динамика численности среднего класса, хотя и несколько снизилась, но в целом оставалась положительной [4]. Она в определенной степени коррелируется с кривой роста покупательной способности населения и кривой приобретения недвижимости, которые в кризисные годы несколько просели, но затем продолжали расти, хотя и меньшими темпами.

Именно средний класс или средние слои общества выступают наиболее активным актором на внутреннем рынке, именно от численности и экономического поведения среднего класса зависит потребительский спрос. Увеличение неравенства говорит о сжатии среднего класса, о сокращении потребительского спроса, что в конечном счете сказывается и на снижении темпов экономического роста.

Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одной из наиболее сложных и социально конфликтных проблем экономической науки. Согласно нашему предположению, уровень неравенства в доходах (зарплатах) должен соответствовать степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью (продуктивностью) по различным видам деятельности и квалификациям. Минимальное неравенство, которое может оказаться существенно ниже уровня неоднородности труда, ведет к искусственной уравниловке, снижению трудовой мотивации, замедлению экономического роста. Чрезмерное неравенство, формируемое под влиянием негативных факторов дифференциации (финансовые спекуляции вместо инвестиций, провалы в социальной политике, безработица, инфляция и др.), может существенно превышать степень неоднородности труда. Факторы, определяющие оптимальный уровень неравенства, связаны с профессионально-квалификационными характеристиками труда (сложность, качество, условия, интенсивность труда). Оптимальный уровень неравенства стимулирует экономический рост, в то время как чрезмерное неравенство тормозит общест-

венный прогресс, а при определенных условиях, достигая критического значения, создает угрозу стабильности общества.

Литература

1. Абалкин Л. Проблемы современной России. – М.: ИЭ РАН, 2011. – 110 с.
2. Анисимова Г.В. (2013). Неравенство и экономический рост в глобализационной экономике // Экономика и предпринимательство. – № 2 (31). – С. 62–68.
3. Богл Д.К. Битва за душу капитализма. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 424 с.
4. Воейков М. Средний класс в динамике постсоветских трансформаций // Неравенство доходов и экономический рост: Стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 253–265.
5. Воейков М. Экономическая система и экономическая политика модернизации // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 12. – С. 8–19.
6. Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник РГНФ. – 2012. – № 3 (68). – С. 43–51.
7. Дитон А. Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 368 с.
8. Дорлинг Д. Равенство. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 224 с.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. – М.: Прогресс, 1984. – 351 с.
10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
11. Рабкина Н.Е. Избранные труды по макроэкономике. – М.: ООО «Эребус», 2000. – 416 с.
12. Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2015. – С. 68.
13. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в России: История, современное состояние, перспективы. – М.: ИЭ РАН, 2008. – 279 с.
14. Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Неравенство распределения корпоративных доходов: Российская специфика, механизмы регулирования // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12–4 (41–4). – С. 298–303.
15. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
16. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
17. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. – М.: Наука, 2006. – 259 с.
18. Трауб-Мерц Р. Неравенство и выход из экономического кризиса // Неравенство доходов и экономический рост: Стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 9–19.
19. Труд в СССР. Стат. сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988. – С. 146.
20. Glaeser E., Scheinkmann J., Shleifer A. The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50. – N 1. – P. 199–222.
21. World of Work Report 2008: Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. – Geneva: ILO, 2008. – 180 p.
22. You J., Khagram S. A comparative study of inequality and corruption // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – N 1. – P. 136–157.